

УДК 82.09(=511.131)

А. А. Арзамазов

**ИНФИНИТИВНОЕ ПИСЬМО
В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ ВАНЮШЕВА:
ТРОПЫ, СЮЖЕТЫ, КОНСТРУКЦИИ**

В статье на анализе творчества В. М. Ванюшева рассматривается одна из примечательных лингвопоэтических реалий удмуртского художественно-поэтического дискурса – инфинитивное письмо. Выявляются структурно-грамматические, образно-мотивные особенности и устанавливаются экзистенциально-психологические контексты внутритекстовой реализации лирической инфинитивности в текстах различной жанрово-родовой модальности. Интерпретация стихотворных произведений В. М. Ванюшева показывает, что удмуртский инфинитив при всей его относительной структурной простоте является императивом авторского сознания, языка, кодом ментальности, художественно-грамматической проекцией историко-культурных факторов и социальных трансформаций.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, инфинитивное письмо, инфинитивная серия, идиостиль, лингвопоэтические особенности.

Многоаспектного исследовательского взгляда заслуживает творчество Василия Ванюшева (1936) – авторитетного филолога, доктора наук, профессора, поэта, прозаика, журналиста, выпускника МГУ. Начиная с 1970-х гг. его работы составляют важную часть удмуртского гуманитарного контекста. Библиографию В. М. Ванюшева составляют десятки книг, среди которых важное место занимают поэтические сборники: «Выжыосы» («Родные корни», 1976), «Шунды но гудыри» («Солнце и гром», 1980), «Шунды-мумы» («Мать солнца», 1990), «Арьёсын ваче син» («Лицом к лицу с годами», 1995), «Удмурт Выжы книга = Как будто Книга бытия» (2006). Стихотворения поэта переведены на английский, французский, русский, венгерский, финский, эстонский, татарский и чувашский языки.

Поэтическая стратегия В. Ванюшева сопряжена в первую очередь с авторской обеспокоенностью за судьбу удмуртского народа. Этот лейтмотив, прежде отвергнутый соцреалистическим стилем, в кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. оказался особенно актуальным. Снятие запретов на открытые «этнические дискуссии», возможность по-честному оценить недавнее прошлое формировали новую парадигму гражданской, творческой идентичности, в основе которой – крити-

ческое, констатирующее мышление. Недовольство советской моделью мира, импульсивно прорывающееся в сферы искусства, сопровождается значительной разочарованностью в настоящем. Эта психология двойных, часто противостоящих мировоззренческих систем становится важным художественным языком в удмуртской перестроечной литературе. В. Ванюшев в своей поэзии не пытается договориться с непринимаящим социумом, с новой, не всегда понятной культурой, он не отказывается от удмуртской традиционной картины мира, не играет в отвлекающие постмодернистские игры. Поэт творчески говорит о том, что обычно в национальной словесности принято замалчивать, что неудобно выносить в область художественного обсуждения. В. М. Ванюшев, родившийся в маленькой удмуртской деревне, знает, каково это – потерять свою малую Родину, приехать на заросшие поля детства, соотносить в памяти «как было» и «как есть». Поэт напоминает читателю о внутренней трагедии забвения, манкуртизме: человек, ушедший от родного языка, теряет лицо, оказывается незащищенным в современном мире «этнического полусиротства». Экзистенциальное спасение – в уважении к своим корням, народу, языку. Эти поэтические призывы-мотивы не могли не стать программой индивидуальных действий – поэт и профессор на разных уровнях отстаивает «коллективные» интересы удмуртов.

В поэтическом творчестве В. Ванюшева выделяются две композиционные тенденции: автор или отдает предпочтение песенной форме, или актуализирует формат лиро-эпического повествования, обращаясь к «многоступенчатой» сюжетике. Регулярно встречаются внешние композиционные маркеры – посвящения, жанровые пояснения. Автору важно акцентировать обращенность текста к конкретным людям, показать адресованность своих творческих размышлений. Новаторским в свете развития литературно-жанрового сознания представляется опыт синтеза поэтического и прозаического пластов в структуре одного произведения (На таком принципе совмещения построена «Удмурт Выжы книга»). В целом художественный язык Василия Ванюшева – язык открытых сигналов; традиционность, преэминентность лингвистики текстов отвечают ключевой потребности авторского Я – быть услышанным.

Заметить, что почти любой компонент удмуртского поэтического языка – составная часть (а иногда – причина) подчас малозаметных семиотических подвижек: удмуртское художественное сознание находится в постоянном поиске, расширении и самопреодолении, для которых характерны переконцептуализация, пересемантизация тех или иных знаков, имен, переосмысление жанровых и стилистических канонов. Грамматика удмуртской поэзии как раз представляется одной из тех сфер, где осуществляются микроскопические перевороты, провоцирующие развитие литературно-художественного языка. Термин «грамматика», следует заметить, в понятийном аппарате гуманитаристики отчасти утрачивает свою первостепенную лингвистическую функцию, превращаясь в некий содержательно вместилистый философско-культурологический конструкт. И в этом смысле категория инфинитива, будучи важным и обязательным элементом поэтической грамматики (и как выясняется – поэтической картины мира), является самостоятельным семиотическим (семиоэстетическим), культурным текстом, который в проекции на национальную словесность репрезентирует онтологиче-

скую соотнесенность удмуртского поэтического мышления с другими финно-угорскими, русской (славянскими), романскими, тюркскими литературными традициями и поэтическими состояниями языков, проявляет его рецептивные возможности, ориентиры

Инфинитивное письмо в идиостиле Ванюшева – не доминантный грамматический код. Инфинитивов немного, они не часто образуют даже минимальные серии. И тем интереснее проявить их семантическую наполненность, связанность с инвариантами поэтического мира. Для исследования категории инфинитивности были выбраны две книги: «Аръёсын ваче син» («Лицом к лицу с годами», 1995) и «Шунды-мумы» («Мать солнца», 1990).

В стихотворении «Туж кыдѣкысь зарезь доры» («К очень далекому морю») инфинитивная серия (ИС) 3 имеет разрозненный вид – если два финальных инфинитива взаимодействуют, то первый выступает сам по себе: *Туж кыдѣкысь зарезь доры / Вуон понна кулэ, дыр, / Кожсылытэк / Азьлань вamyшьяны... / Лэсьтон понна кулэ / Шур ву кадъ весь / Азьлань, азьлань портйськыны. / Батыр өвёл... / Озьы ке но, потй мон / Шудэн тулкымъяськысь / Зарезь дорам вуыны* [1. С. 19] ‘Чтобы добраться до далекого моря, / Нужно, наверное, / Не сворачивая, / Вперед шагать... / Для дела нужно, / Как река, постоянно / Вперед, вперед пробиваться. / Не богатырь... / Но вышел я / Добраться до моря, / Счастьем волнующего’. Инфинитивы, передающие семантику стремления, движения, развивают тему поисков счастья, метафорой которого в тексте является образ далекого моря (*кыдѣкысь зарезь*). ИС семантически акцентируется необходимостью (*кулэ* ‘надо’). Помимо лирического Я, в стихотворении ощутима позиция «отвлеченного» повествователя, размышляющего о диалектике жизни. Сквозной элемент данной инфинитивной ситуации – наречие *азьлань* ‘вперед’, становящийся неким экзистенциальным вектором. В стихотворении «Гожтэт» («Письмо») [1. С. 22] ИС 3 также реализуется на разных «флангах» текста. В первом случае инфинитив управляется конструкцией с положительно-радостным констатирующим значением. Во втором инфинитивном фрагменте звучит мотив невозможности возможного расставания, инфинитив двоеточием предваряет любовный пассаж Ты-лица. В третьем эпизоде инфинитив структурно и семантически сопряжен с безличным глаголом *кыске* ‘тянет’. Это сочетание продолжает дискурс нежности, любви.

В стихотворении «Лымы» («Снег») [1. С. 36] инфинитивы снова привлекаются трижды, они рифмически аккомпанируют заглавно заданному словобразу *лымы* ‘снег’: *юаны – вераны – калтыртыны* (‘спрашивать’ – ‘говорить’ – ‘бродить’). Инфинитивы «рассыпаны» по разным строфам, и в целом отражают особую коммуникативную энергетику текста – желание делиться радостью увиденного, выразить восхищение природе, разговаривать с ней. В поэзии Ванюшева регулярны инфинитивы созидания (*будэтыны, кылдытыны, ужаны* ‘выращивать’, ‘создавать’, ‘работать’). Язык сублимирует потребность авторского сознания в действии, в преобразовании внутренних и внешних сторон жизни. Частотна соединенная форма инфинитива и отрицательного предиката *уг лэзь* (‘не разрешает, не отпускает’). Сочетание обычно выражает глубинную связь лирического субъекта и народа, этнических корней. Так, в балладе «Кедра» [1. С. 164]

(посвященной писателю Кедра Митрею) инфинитив *уг лэзь* поэтически индексуют духовную силу человека, живущего творчеством, метафизикой родного этноса, языка. Инфинитивы ожидаемо появляются в песенных текстах, где составляют «гладкопись» рифмы: *Мон кутски чупаны – / Вожанме вунэтий. / Кутскыса вожаны – / Гажанме ке ыштй?! / Ох, ческыт чупаны – / Ултозям гажало!* [1. С. 66] ‘Я начал целовать – / Про ревность свою забыл. / Если начну ревновать – / Не потеряю ли я любимую?! / Ох, сладко целовать – / Всю жизнь буду любить!’. В данном отрывке инфинитивы объединены не только рифмой, но и семантическим контекстом начинания, начала.

Инфинитивы у В. Ванюшева нередко реализуются в диалогических конструкциях, придавая тексту оттенки легкости, незамысловатости общения (напр., *Чик оз пот бертэме* ‘Совсем не хотелось возвращаться’) [1. С. 66]. Диалог в темпоритме коммуникации лирических героев уступает место монологу, когда речь заходит о болезненных точках восприятия реальности. В стихотворении «Крезьчи» («Гусляр») [2. С. 16] при участии минимальной инфинитивной серии эксплицируется гамма сложных личностных чувств. В тексте как бы взаимодействуют два голоса – голос старика, сетующего на необходимость расставания с *крезем* (гуслиями), и рефлексирующего авторского сознания, которое вписывает стихотворный сюжет в «апокалиптичность» этнического беспамятства. Впрочем, в инфинитивных репликах лирического персонажа, помимо констатации тяжести «отдавания», можно расслышать и сентенцию надежды.

Ситуации адресности, диалогичности поэтического слова у Ванюшева могут быть обрамлены инфинитивно организованными вопросами, часто риторического характера: *Сюлэм, сюлэм, / Жадид шат улыны? / Оло, жадид ялан нюръяськыны...?* [2. С. 35] ‘Сердце, сердце, / Неужели ты устало жить? / Может быть, ты устало постоянно бороться...?’. В поэзии В. Ванюшева есть тексты, отдаленно напоминающие удмуртские куриськоны-молитвы. В их грамматике в семантическом плане иногда видное место занимают инфинитивы, которые символизируют важно-глобальные, решительно-решающие действия или состояния. Инфинитивы участвуют в риторических формулах, призывающих к бережному, внимательному отношению к удмуртскому народу, языку. В таких случаях инфинитив может эмоционально «обострять» стихотворное повествование: *Вашкала выжымес, удмуртмес вузалом шат – / Быдтыны сётомы шат кылмес?* [1. С. 135] ‘Неужели продадим наши древние корни, удмуртскость – / Неужели позволим уничтожить наш язык?’. Обострение тональности произведения активизируется и грамматической констатацией упущенных возможностей: *Пельга выжы, Чабъя выжы, Омга... / Ёч малпаса, дыр, лэсьтйзы асьсэлы кар. / Ваньзэс ик утыны ём быгатэ уга – / Оген-кыкен быре гурт котькуд ар...* [1. С. 136] ‘Род Пельга, род Чабъя, Омга... / Думая о хорошем, наверное, строили себе селенья. / Однако не смогли мы их все сохранить – / Одна-две деревни исчезают каждый год’.

Более содержательны примеры функционирования инфинитивов в поэме Василия Ванюшева «Вожвъл» («Наперекор»), произведении, подобно другим его текстам, глубоко социальном и психологичном. Текст своеобразно структурирован: изначально кажется, что поэма состоит из совершенно самостоятельных,

автономных стихотворений, репрезентирующих разные сюжеты, разных героев. Ощущение спонтанной собранности «Вожвыл» отменяется при более заинтересованном чтении. Выявляется, что фрагменты-части поэмы объединены общим «синдромом» потерянности в новом времени, неузнаванием «лица» современности. Поэма начинается сценой спора «правд» старика-бюрократа и молодого человека. У каждого из них своя социополитическая точка зрения, свой набор, «темперамент» доводов, доказательств. Авторское сознание ведет эти монологи-диалоги, дополняя их уточняющими объективированными ремарками: *Егит пимурт / Пересь бюрократлы / Тодаз вайылэ шимес иворъёсты: / Сюрсэн калык / Ыбылэмын юнме! / Сюзэмын вир / Куректыса кынме...* [1. С. 165] ‘Молодой мужчина / Старому бюрократу / Припоминает страшные события: / Тысячи людей / Расстреляны напрасно! / В сердце кровь / От горя стынет...’. Инфинитивы в первой части семантически относятся к обоим персонажам, высвечивая их поведение, психологические установки: *Вера пимурт. / Турттэ мозмытскыны. / Бурдъёсыныз / Тышка кекатйесез... / Нош бюрократ / Уз дырты юрттыны. / Йырзэ гинэ / Улланы мыкыртылэ...* [1. С. 165] ‘Говорит мужчина. / Пытается он освободиться. / Крыльями своими / Бьет душителя... / А бюрократ / Не спешит помочь, / Только головой / Кивает...’; *Вера пимурт. / Ваньзэ вера-кисътэ. / Вьльдйсь вакыт / Вьль визь сётйз солы. / Егит на со. / Пыкылыны дйсьтэ...* ‘Говорит мужчина. / Всё говорит-изливает. / Новое время / Новый взгляд ему дало. / Молод он еще. / Смеет еще попрекать...’. Инфинитив фигурирует в «грамматике» внутреннего монолога бюрократа, признающе-непризнающего собственную неправоту: *Чидан сяна / Астэ ачид пöян... / Зорез-котэз / Кин нималляз / «Шунды»? / Ултйяны сётскем / Калык пöлын / Кин кырзалляз: / «Дано медло шудмы!»* [1. С. 166] ‘Кроме терпения, / Самообман... / Дождь-слякоть / Кто называл / «Солнцем»? / Среди униженного / Народа, / Кто пел: / «Слава нашему счастью!»’. Сознание лирического субъекта пытается анализировать «обвинительные приговоры», самокопание приводит к вспышке гнева, угрозам: *Гудыриё пилем кадь / Ымнырыныз. / Тани-тани / Йыр вылады чаишъёз! / – Тй кожады ни: / Сталин эш быриз? / Султоз на со! / Ти кадьёсты ошоз!* [1. С. 166] ‘Словно грозовая туча, / Лицо. / Вот-вот / Ударит в вас молнией! – / Вы думали: / Товарищ Сталин умер? / Он еще восстанет! / Таких, как вы, повесит!’.

В. Ванюшев в поэме (и во многих других произведениях) акцентирует негибкость, «зомбированность» человеческого восприятия, неспособность человека принять очевидное, начать меняться, действовать. Очередной инфинитив в первой части «Вожвыл» появляется в саркастическом авторском пассаже, подводящем черту под темой сталинизма: *Пимурт кошкыз. / Нош бюрократ учке / Узвезь синмын / Тушмонэзлэн мышказ... / Та синъёслы / Нош / Вормыны сётским ке, / Зэмзэ, дыр, Сталин / Гробысьтыз султоз* [1. С. 167] ‘Мужчина ушел. / А бюрократ сморит / Свинцовым взглядом / В спину своего врага... Если этому взгляду / Позволим себе подчиниться, / Действительно, наверное, Сталин / Восстанет из гроба’. Инфинитивы в приведенных эпизодах зависимы от глаголов, входящих в «топ-лист» удмуртского инфинитивного управления (*дйсьтыны* ‘сметь’, *дыртыны* ‘спешить’, *турттыны* ‘хотеть’).

Инфинитивный словарь Василия Ванюшева имеет некоторые риторические корреспонденции с поэтическим языком Кузубая Герда: в их идиостилиях преобладают инфинитивы действия, активации. Но если Герд предпочитает риторiku надежды, верит в новую генерацию удмуртов, то Ванюшев предъявляет реципиенту некую отрицательную результативность, беспристрастно выносит диагноз обществу, не предлагая читателю оптимистических сценариев. У Герда инфинитивно-предикатные зоны нередко реализуются как модели возможного, у Ванюшева – как формы реального. В третьей части поэмы [1. С. 168] наличествуют два инфинитива (*вераны* ‘сказать’, *быдтыны* ‘уничтожить’). Второй инфинитив, помимо микросемантической реализации в структуре текста, характеризуется макросемантической предопределенностью: *быдтыны* ассоциируется не столько с сюжетно заданной жадой коммуникации пассажиров автобуса, сколько с положением удмуртского языка, отношением к нему «непосторонних» людей.

В поэме «Вожвыл» (этот принцип репрезентируется в творческой концепции поэта) важное место отводится деталям, разворачиванию «вещного» мира. Вещь в поэзии В. Ванюшева – это и память, и материализованное время индивидуального существования. У Ванюшева (и не только у него) «вещи рассказывают нечто, образуя сложную нарративную конструкцию, где каждый из них – и персонаж, имеющий свой голос в составе нарративного сюжета, и связка в парадигматических рядах, и имплицированная семантизация временного потока как такового» [3. С. 254]. Вещи, предметы в поэтической картине мира В. Ванюшева часто – аксиологические знаки, носители темпоральности. Одни вещи возвращают в прошлое, другие – говорят на языке окружающей реальности. В 8-й части поэмы лирическое Я, как герой в легендарной песне группы Scorpions «Wind of change» («Ветер перемен»), бродит по парку, фиксируя «забастовку скамеек»: они перевернуты, сломаны. Скамейки символизируют социалистический, советский «вещный» мир, мгновенно разрушенный. В этом смысле одинарный инфинитив *возьматыны* ‘показывать’ – представляется одним из ключей к «грамматике восприятия» В. Ванюшева. Зло у поэта иногда становится видимым, предметно-выраженным, обретает урбанистическую воплощенность.

В целом, черты инфинитивности в идиостиле В. Ванюшева являются характерными, стандартными для удмуртского поэтического языка 1970 – кон. 1980-х гг.: инфинитивы управляются глаголами, отсутствуют представительные инфинитивные серии, доминируют одиночные инфинитивы. Энергия творческих поисков поэта в минимальной степени направлена на художественное преодоление традиционных форм письма, на построение экспериментальных, синтаксически спорных лингвоэстетических моделей. Язык и народ – основы его духовной самоидентификации, картины мира, которые нужно защищать, а не превращать в площадку для культурологических опытов, игр. Василий Ванюшев ищет креативные решения на других уровнях художественности. Ему интересно сводить поэзию и прозу в пределах одного текста, «размывая» тем самым привычную жанровую стабильность, интересно выражать свое драматическое амплу в более развернутых лиро-эпических масштабах. Поэту важно быть понятым, услышанным, обозначить творческую преемственность с удмуртской поэтической

традицией. Не удивительно, что осознанная инфинитивно-синтаксическая спецификация стихотворных текстов остается вне зоны художественно-эстетического внимания В. М. Ванюшева.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Ванюшев В. М.* Аръёсын ваче син: кылбуръёс, балладаос, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1995. 176 с.
2. *Ванюшев В. М.* Шунды-мумы: кылбуръёс но поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1990. 144 с.
3. *Злыднева Н. В.* «Письмо из Киева» Георгия Рубцова как анаграмма // Топоровские чтения I–IV. Избранное. М.: Пробел 2000, 2010. С. 254–266.

Поступила в редакцию 10.03.2016

А. А. Arzamazov

The Infinitive in V. M. Vanyushev's Poetry: Tropes, Plots, Constructions

Based on the analysis of V. M. Vanyushev's poetry, the paper considers one of the most remarkable linguopoetic phenomena of the Udmurt artistic and poetic discourse – the infinitive. The author reveals the structural and grammatical, and figurative and motive features and defines the existential and psychological contexts of intratextual implementation of lyrical infinitive in the texts of different genre modality. Interpretation of V. M. Vanyushev's poems shows that the Udmurt infinitive for all its relative structural simplicity is imperative of author's consciousness, language, code of mentality, artistic and grammatical projection of historical and cultural factors and social transformations.

Keywords: Udmurt poetry, infinitive, infinitive series, idiostyle, linguopoetic features.

Арзамазов Алексей Андреевич,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: arzami@ramler.ru

Arzamazov Aleksey Andreevich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: arzami@ramler.ru